

Игорь П. Смирнов

ДВОЙНОЙ РОМАН (О ДОКТОРЕ ЖИВАГО)

Оказалось, что эту книгу
невозможно свести к общему
знаменателю
(А.Пятигорский)

1. Текст-загадка

Для романа "Доктор Живаго" обычно, что один персонаж воспринимает другого как тайну, к которой трудно подобрать ключи, как загадку, которая допускает сразу несколько решений, как повод для недозаключенного вопроса, остающегося хотя бы отчасти без ответа.

Приведем четыре примера из этого ряда, без какой бы то ни было претензии исчерпать материал:

(а) Случайно попав в номера "Черногории" к отравившейся мадам Гишар, Юрий Живаго наблюдает Лару и Комаровского, молча обменивающихся взглядами:

Зрелище порабошенной девушки было *неисповедимо таинственно* и беззастенчиво откровенно [...] У Юры сжималось сердце [...] Это было то самое, о чем они так горячо продолжали с Мишей и Тоней под ничего не значащим именем пошлости [...] и вот эта сила находилась теперь перед Юриными глазами, досконально-вещественная и *смутная и сныщаяся*¹.

(б) В сцене приближения поезда, в котором путешествует Живаго, к Юрятину (этот топоним образован из личного имени 'Юра' и палиндрома к слову 'нить', повидимому, в значении: 'судьба'), передается диалог двух неназванных лиц из народа, которые восторгаются Стрельниковым и не могут точно вспомнить, как зовут его противника, варьируя имя 'Галлиулин':

- Насчет контры это зверь.
- Это он на Галеева побежал.

- Это на какого же?
- Атаман Галеев [...]
- Не слышал.
- А може князь Галилсев. Запамятовал.
- Не бывает таких князьев. Видно, Али Курбан. Перепутал ты.
- Может и Курбан (274-275)².

(с) Когда Живаго пытается вылечить обезумевшего Памфила Палых, тот не в состоянии назвать место, где началось его психическое расстройство:

Вот, значит, и бегунчики мои. По ночам станция мерещится. Тогда было смешно, а теперь жалко.

- В городе Мелюзеево было, станция Бирючи?
- Запамятовал.
- С зыбушинскими жителями бунтовали?
- Запамятовал.
- Фронт-то какой был? На каком фронте. На западном?
- Вроде Западный. Все может быть. Запамятовал (410).

(d) После посещения Варыкина Евграфом Юрий Живаго заносит в дневник:

...Сваливается, как с облаков, брат Евграф [...] Он погостил около двух недель [...] и вдруг исчез, как сквозь землю провалился [...] Откуда он сам? Откуда его могущество? [...] Вот уже второй раз вторгается он в мою жизнь добрым гением, избавителем, разрешающим все затруднения. Может быть, состав каждой биографии наряду со встречающимися в ней действующими лицами требует еще и участия *тайной неведомой силы, лица почти символического*, являющегося на помощь без зова, и роль этой благодетельной и скрытой пружины играет в моей жизни мой брат Евграф? (336-337).

Иногда загадочность, явленная в романе Пастернака, сюжетно мотивирована, повествовательльно *н е о б х о д и м а*, нужна для того, чтобы читатель мог понять, чем вызваны действия персонажей. В первом из наших примеров Юрий Живаго, восприняв отношения между Ларой и Комаровским как тайну, посвящает себя затем разгадыванию женской доли, в чем и состоит смысл его любви к Ларе.

Однако загадочность бывает и внесюжетной, повествовательльно *и з б ы т о ч н о й*. Она не нацелена на то, чтобы пробудить у читателя интерес к дальнейшему течению рассказа, вставляется в роман как будто без видимой причины (мы у ж е знаем, что противником Стрельникова является Галиуллин до того, как имя белого генерала становится пред-

метом обсуждения, которое ведут люди из народа). Избыточна и та загадочность, которая возникает из-за амнезии Памфила Палых. Для реципиентов здесь нет секрета, потому что Палых перед тем, как обнаружить забывчивость, точно передает все детали совершенного им убийства Гинца, как оно до этого было обрисовано в романе.

Наконец, загадочность может быть результатом нехватки информации, которую поставляет нам автор. Тайна никак не снимается писателем, получая апеллятивную функцию - взывая к тому, чтобы читатель сам попытался рассекретить скрытый смысл, вложенный в текст (вплоть до конца романа мы так и остаемся в неведении о том, почему Евграф всякий раз приходит на помощь Юрию Живаго, когда тот попадает в затруднительное положение).

Итак, мы имеем дело с романом, в котором тайна выступает в самых разных ее обличьях - в качестве: (а) условия познавательной деятельности, (б) ложного, сугубо гипотетического знания, (с) разрушения знания, (d) недостаточного знания. Одно из определений, которое следовало бы дать "Доктору Живаго", состоит в том, что Пастернак написал роман о сущности и типах таинственного.

Но даже тогда, когда тайна раскрывается персонажами романа или когда она преподносится как всего-лишь их пустое фантазирование, или когда она характеризует психическую неполноценность отдельно взятого субъекта, не будучи таковой на деле, пастернаковский текст все же остается загадкой, как мы постараемся показать это ниже. Роман о тайнах вместе с тем оказывается криптограммой - тайным романом, рассказывающим много более того, что непосредственно в нем говорится.

2. Комаровский = Маяковский

Комаровский кажется заимствованием из "Фауста" Гете. Обращает на себя внимание, однако, то обстоятельство, что Фаустов пудель превращен у Пастернака в бульдога и что Сатаниди, всегдашний спутник Комаровского, явный аналог Мефистофеля, назван по имени - Константином.

Эти метаморфозы мотивов Гете станут прозрачными, если учесть, что в конце 20-х гг Маяковский и Брики завели себе французского бульдога по кличке "Булька"³ и что ближайшим другом Маяковского был поэт-футурист Константин Большаков (об этой дружбе Пастернак упоминает в "Охранной грамоте": "Из множества людей, которых я видел рядом с ним, Большаков был единственным, кого я совмещал с ним без всякой натяжки. Обоих можно было слушать в любой последователь-

ности, не насилуя слуха [...] В обществе Большакова за Маяковского не болело сердце, он был в соответствии с собой, не ронял себя"⁴). Отчество Большакова - Аристархович - передано в романе увлекающемуся футуризмом Максиму Аристарховичу Клинцову-Погоревших.

Детали повседневной жизни Комаровского полностью согласуются с бытом Маяковского. Как и Маяковский, боявшийся инфекций, Комаровский живет в квартире, в которой нет "ни пылинки, ни пятнышка, как в операционной" (85). Экономка Комаровского, Эмма Эрнестовна, соответствует домработнице Маяковского и Бриков, Аннушке. Подобно Маяковскому, Комаровский - картежник (с картами в руках он изображен Пастернаком в салоне Свентицких). Любимое занятие Комаровского - фланировать по Кузнецкому Мосту, там, где Пастернак в "Охранной грамоте" помещает Маяковского:

Он [...] прогуливался по Кузнецкому, глуховато потягивал в нос, как отрывки литургии [...] клочки своего и чужого...⁵

Название второго сборника стихов Маяковского (на который Пастернак когда-то отозвался восторженной рецензией), "Простое, как мычание", находит карнавализованное отражение в характеристике, даваемой в романе Комаровскому и Сатаниди:

Они пускались вместе шлифовать панели, перекидываясь [...] замечаниями [...] полными такого презрения ко всему на свете, что без всякого ущерба могли бы заменить эти слова простым рычанием... (55).

Поза, в которой застаёт Комаровского Юрий Живаго при посещении "Черногории", представляет собой наглядную реализацию этимологического значения фамилии 'Маяковский':

Над головой он нес лампу, вынутую из резервуара (74).

Комаровский с высоко поднятой керосиновой лампой в руках подобен маяку.⁶

Имя Комаровского - Виктор - совпадает с именем Хлебникова, а также - этимологически - отсылает нас к тому определению Маяковского, которое Пастернак сформулировал в "Охранной грамоте":

*Победителем и оправданием тиража был Маяковский*⁷.

Отчество Комаровского - Ипполитович - напоминает об Ипполите из "Идиота" Достоевского, генеалогически возводит пастернаковского

персонажа к этому литературному герою, что также не противоречит сближению Комаровский - Маяковский, поскольку Юрий Живаго считает, что поэзия Маяковского -

... это какое-то продолжение Достоевского. Или вернее, это лирика, написанная кем-то из его младших бунтующих персонажей, вроде *Ипполита*, Раскольников или героя "Подростка" (205).

Бегство Комаровского во Владивосток, хотя и не имеет ничего общего с фактами жизни Маяковского, тем не менее корреспондирует с биографиями его ближайших соратников, Асеева и Давида Бурлюка.

Приезд Комаровского в Юрятин описывается Пастернаком так, что это место романа наполняется интертекстуальными ассоциациями с началом "Облака в штанах":

Вот и вечер
в ночную жуть
ушел от окон;
хмурый, декабрьский.
В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.⁸
Ср.:

Было уже поздно. Освобождаемый временами от нагара фитилек святильни с треском разгорался, ярко освещая комнату. Потом все снова погружалось во мрак [...] А Комаровский все не уходил. Его присутствие томило [...] как угнетала ледяная декабрьская темнота за окном (491).

Нужно, впрочем, заметить, что соответствие Комаровский - Маяковский не является одно-однозначным. Далеко не все в облике Комаровского воспроизводит черты Маяковского. Так, Комаровский, в отличие от его прототипа, отращивает усы и бороду. Еще существеннее: с Маяковским соотнесен в романе не только негативный Комаровский, но и трагический Стрельников (последнее хорошо известно). Роман Пастернака не аллегоричен. Комаровский олицетворяет собой всегдашнюю человеческую проблему, будучи соблазнителем, мучителем женщин. Но в то же самое время он - конкретный мучитель - Маяковский, чья поэзия содержит в себе элементы садизма, мотивы надругательства над женщинами (как это недавно подчеркнул А.К. Жолковский⁹). "Доктор Живаго" - это компромисс между философским обобщением и исторической конкретностью. Уже название романа двузначно и билингвистично: оно отсылает нас не только к вечному 'духу

живому', но и к единичному "я" - блуждающему, странствующему: je vague¹⁰ (ср. мотивы странствий Юрия Живаго - по тайге в Юртин и из Варькина в Москву).

3. Галиуллин = Юсупов

Мало того, что Галиуллин именуется в разговоре двух неизвестных 'князем', он носит еще и имя 'Юсуп'. Князь Юсупов был убийцей Распутина. Юрий Живаго встречается со Стрельниковым в предместье Юртина, которое называется 'Развилье' и тем самым составляет синоним к этимологическому значению имени 'Распутин'. Подобно Распутину, останавливавшему кровь у наследника престола, Стрельников отдает распоряжение о том, чтобы были прекращены мучения юного белогвардейца, раненного в голову и истекающего кровью. В восприятии Юрия Живаго, в мучениях захваченного в плен гимназиста "было что-то символическое" (289). Таким образом, Пастернак маркирует не-миметическую функцию всей этой сцены.

Антипов-Стрельников окружен ореолом чуда:
Антипов казался заколдованным, как в сказке (135).

Если видеть в Галиуллине сходство с Юсуповым, а в Антипове-Стрельникове - с Распутиним, то не случайным кажется тот факт, что сказочным героем Антипов представляется именно Галиуллину.

Веским аргументом в пользу того, что в Галиуллине проглядывает Юсупов, служит одно из имен, которым наделяют белого генерала люди из народа, - 'Али Курбан'. Род Юсуповых, согласно бытовавшей в их семье генеалогической легенде,¹¹ восходит к сподвижнику Мохаммеда и основателю секты шиитов Али (Али бен-аби-Талее)¹². Пастернак мог знать о генеалогическом древе Юсуповых из домашних разговоров, слышанных в детстве, о чем свидетельствует "Охранная грамота", где упоминаются рассказы Серова о 'рисовальных вечерах у Юсуповых'¹³. Нам придется привести длинную выдержку из "Охранной грамоты", поскольку для расшифровки распутинско-юсуповской темы в "Докторе Живаго" интерес представляют не только воспоминания Пастернака о Серове, но и сопутствующие им замечания о гибели царских династий:

Генриэтты, Марии-Антуанетты и Александры получают все больший голос в страшном хоре. Отдаляют от себя передовую аристократию [Пастернак здесь явно оправдывает аристократический протест против царского двора,- И.С.]

точно площадь интересуется жизнью дворца и требует ухудшенья его комфорта. Обращаются к версальским садовникам, к ефрейторам Царского Села и самоучкам из народа, и тогда всплывают и быстро поднимаются Распутины, никогда не опознаваемые капитуляции монархии перед фольклорно понятным народом, ее уступки веяньям времени, чудовищно противоположные всему тому, что требуется от истинных уступок [...]

Когда я возвращался из-за границы, было столетие Отечественной войны [...] Поблизости происходил высочайший смотр, и по этому случаю платформа горела ярким развалом рыхлого и не везде еще притоптанного песку.

Воспоминаний о празднуемых событиях это в едущих не вызывало [...] *И если торжества на чем и отражались, то не на ходе мыслей, а на ходе поезда, потому что его дольше положенного задерживали на станциях и чаще обычного останавливали в поле семафором.*

Я невольно вспоминал скончавшегося зимой перед тем Серова, его рассказы поры писанья царской семьи, карикатуры, делавшиеся художником на рисовальных вечерах у Юсуповых...¹⁴

Из этих пастернаковских высказываний о Распутине, царской семье и Юсупове в роман перекочевал мотив поезда, задержанного по экстренным обстоятельствам:

...сзади, стремительно разрастаясь, накатила оглушительный шум водопада, перекрывший грохот, и по второму пути разъезда мимо стоящего без движения эшелона промчался и на всех парах обогнал его курьерский старого образца, отгудел, отгрохотал и, мигнув в последний раз огоньками бесследно скрылся впереди.

Разговор внизу возобновился.

- Ну, теперь шабаш. Настоимся.

- Теперь не скоро.

- Надо бытъ, Стрельников. Броневой особого назначения (274)¹⁵.

Пастернак повествует о Стрельникове так же, как он повествовал в "Охранной грамоте" о предреволюционных событиях в контексте, где царизм осуждался за распутинщину.

Как и Комаровский в отношении к Маяковскому, Галиуллин не совпадает однозначно с князем Юсуповым (хотя бы уже потому, что будущий белый генерал плебейского происхождения). Замысел Пастернака состоял не в том, чтобы предложить читателю Эзопово изложение русской истории, но в том, чтобы история частных лиц могла бы читаться

как история русской революции, чтобы каждый персонаж был бы и парадигматичен (т.е. имел бы образец или несколько образцов за пределами романа), и синтагматичен (т.е. существовал бы сам по себе в пределах повествования).

Смысл параллели Галиуллин - Юсупов станет ясным, если учесть, что Стрельников побывал в немецком плену. Галиуллин воюет со Стрельниковым аналогично тому, как князь Юсупов боролся с немецким влиянием на царскую семью (ср. также попытку Галиуллина спасти комиссара Гинца, призывавшего дезертиров к продолжению военных действий).

4. Палых = Штирнер

Многие сюжетные линии "Доктора Живаго" переплетаются с сюжетом романа А.Н.Толстого "Сестры". К этим, унаследованным из "Сестер", линиям относится, например, убийство зыбушинцами комиссара Гинца. В романе Толстого, как и позднее в "Докторе Живаго", присланный Временным правительством на Западный фронт комиссар держит патриотическую речь перед солдатами, не считаясь с тем, что они устали от войны; один из слушателей убивает запальчивого оратора:

Подполковник Тетькин [...] видел, как сутулый, огромный, черный артиллерист схватил комиссара за грудь [...] Круглый затылок Николая Ивановича уходил в шею, вздернутая борода, точно нарисованная на щеках, моталась. Отталкивая солдата, он разорвал ему судорожными пальцами ворот рубахи. Солдат, сморщившись, сдернул с себя железный шлем и с силой ударил им Николая Ивановича несколько раз в голову и лицо...¹⁶

Хотя Гинц погибает после своей неудачной речи не от ударов каской, а от пули и штыков, его - подозреваемый Юрием Живаго - убийца имеет черты портретного сходства с артиллеристом из "Сестер". Вдобавок к этому строение черепа у Палых таково, что он прирожден носить как бы металлический головной убор - аналог каски, которая послужила орудием смерти в "Сестрах":

Памфил Палых был здоровенный мужик с черными, всколоченными волосами и бородой, и шишковатым лбом, производившим впечатление двойного, вследствие утолщения лобной кости, подобием кольца или медного обруча обжимавшего его виски (407)¹⁷.

Внимание читателей направляется на лоб Палых и вне связи с "Сестрами":

Я очень хорошо знаю Палых [...] Такой черный, жестокий, с низким лбом (399).

...он бродил на свободе по лагерю, с упавшею на грудь головою, ничего не видя мутно-желтыми, глядящими исподлобья глазами (431).

Как бы это ни выглядело странным в первом приближении, Пастернак подчеркивает особые свойства лба у Палых с тем, чтобы указать читателям путь для отождествления этого примитивно-низкого персонажа с философом Максом Штирнером (ср.: 'Stirn'). Имя 'Макс' присвоено в романе Максиму Клинцову-Погоревших, с которым Памфила Палых объединяет не только их общее участие в создании Зыбушинской республики, но и значение их фамилий (содержащих в себе семы 'огонь', 'пожар'), а также и форма этих фамилий (ср.: 'Погоревших' - 'Палых').¹⁸

Сопоставленность Палых со Штирнером потеряет всю свою странность, если взять в расчет, что в ранних набросках к "Доктору Живаго" (глава "Надменный нищий") основной труд Штирнера, "Der Einzige und sein Eigentum", концептуализуется как разбойничья философия. Книгу Штирнера читает дядя Патрика (в будущем Юрия Живаго), Федор Степанович Остромысленский:

Потом присел к окошку с "Единственным и его достоинством" Макса Штирнера, книгой действительно вредной и полной грубых заблуждений, но на которую он стал бы шипеть и в том случае, если бы это был глагол самой истины. Книги, вообще говоря, читал он только затем, чтобы потом их опровергать в моем и Мотином обществе. За чтением имел он привычку напевать что-нибудь вполголоса, а слуху у него не было никакого. Штирнера этого читал он почему-то на мотив "Среди долины ровныя", прерывая его восклицаньями: "Ах, разбойник! Ну, погоди же, покажу я тебе!"¹⁹

Убийство Памфилом Палых членов его семьи из страха за их судьбу "в случае его смерти" (431) отправляет нас к тому месту штирнеровского сочинения, где оправдывается вдова офицера, задушившая во время русского похода после ранения своего ребенка:

Brandmarkt jene Offizier-Witwe, die auf der Flucht in Rußland, nachdem ihr das Bein weggeschossen, das Strumpfband von diesem abzieht, ihr Kind damit erdrosselt und dann neben der Leiche verblutet,- brandmarkt das Andenken der - Kindesmörderin. Wer weiß, wie viel dies Kind, wenn es am Leben blieb, "der Welt hätte nützen" können! Die Mutter ermordete es, weil sie *befriedigt* und

beruhigt sterben wollte. Dieser Fall sagt eurer Sentimentalität vielleicht noch zu, und Ihr wißt nichts Weiteres aus ihm herauszulesen. Es sei; Ich Meinerseits gebrauche ihn als Beispiel dafür, daß *meine* Befriedigung über mein Verhältnis zu den Menschen entscheidet, und daß Ich auch der Macht über das Leben und Tod aus keiner Anwandlung von Demut entsage (курсив автора,- И.С.)²⁰.

Пастернак дегероизирует пример, приводимый Штирнером, рисуя поступок Палых как результат безумия. Философия Штирнера не приемлема для Пастернака постольку, поскольку Штирнер - последовательнее, чем любой другой европейский нигилист,- отвергал все основные ценности культуры: религию, государство, общество, семью. Все то, что сакрализуется человеком, Штирнер относил к миру 'призраков':

...Alles spukt. Das höhere Wesen, der Geist, der in Allem umgeht, ist zugleich an Nichts gebunden, und - "erscheint" nur darin. Gespenst in allen Winkeln!²¹

Пастернак выворачивает это утверждение наизнанку: Палых - жертва галлопинаций, ему мнятся 'бегуничики'.

Штирнер легитимировал преступность в своем стремлении ниспровергнуть сакральное:

Nur gegen ein Heiliges gibt es Verbrecher; Du gegen Mich kannst nie ein Verbrecher sein, sondern nur ein Gegner.²²

откуда и уравнивание Пастернаком штирнеровской философии с разбоем.

'Недочеловек', которого апологетизировал Штирнер:

Der gesamte Liberalismus hat einen Todfeind, einen unüberwindlichen Gegensatz, wie Gott den Teufel: dem Menschen steht der Unmensch, der Einzelne, der Egoist stets zur Seite. Staat, Gesellschaft, Menschheit bewältigen diesen Teufel nicht, - ²³

превратился в "Докторе Живаго" в отприродное, лишённое рассудка, существо - в Памфила Палых.

Штирнерианской абсолютизации субъекта и его мира Пастернак противопоставляет шеллингианскую идею тождества субъекта и объекта. Неспроста Живаго размышляет об этом тождестве перед тем, как встретиться с Палых:

Привычный круг мыслей овладел Юрием Андреевичем [...] О мимикрии, о подражательной и предохранительной окраске [...] Что такое субъект? Что такое объект? Как дать определение их тождества? В размышлениях доктора Дарвин встретался с Шеллингом... (404).

Но почему в Гинца стреляет именно тот персонаж, который ассоциирован со Штирнером? Ответ на этот вопрос дает пронизательное наблюдение, высказанное А.А.Вознесенским в одном из его интервью о творчестве Пастернака:

...Гинц вскакивает на пожарную кадку и обращает к приближающимся" несколько за душу хватающих слов, нечеловеческих и бессвязных..." И проваливается в кадку. Солдаты с хохотом застреливают и докалывают его [...].

Помните притчу о Фалесе, отце древней философии? Фалес, искатель небесных тайн, разглядывая звезды, провалился в колодезь. Юная фракиянка, хохочет над чудачком [...] Не случайно этой метафорой Лев Шестов открывает свою лучшую книгу "На весах Иова".²⁴

Вдобавок к соображению А.А.Вознесенского следует сказать, что Пастернак, конструируя образ Гинца, не только заимствовал из диалога Платона ("Theaetetus") анекдот о Фалесе, упавшем в цистерну, но и использовал самые разные иные античные источники, свидетельствующие об этом первомудреце. Как известно, Фалес занимался теорией треугольников (он доказал, среди прочего, равенство углов при основании равнобедренного треугольника); Гинц треуголен:

Он был в тесном френче. Наверное ему было неловко, что он еще так молод, и чтобы казаться старше, он брюзгливо кривил лицо и напускал на себя деланную сутулость. Для этого он запускнул руки глубоко в карманы галифе и подымал *углами* плечи в новых негнущихся погонах, отчего его фигура становилась действительно по кавалерийски упрощенной, так что от плеч к ногам ее можно было вычертатить с помощью *двух, книзу сходящихся линий* (160).

О Фалесе говорится в комедии Аристофана "Птицы" как о комическом персонаже. О "Птицах" напоминает читателям сцена, в которой они впервые знакомятся с Гинцем. Персонажи, участвующие в этом эпизоде, занимают странные позиции в пространстве, так что человеческие позы становятся похожими на птичьи (один как бы сидит

на шестике; другой, обхвативший руками спинку стула, получает птичий профиль; третий подпрыгивает в проеме окна):

Из присутствующих только один доктор расположился в кабинете по-человечески. Остальные сидели один другого чуднее и развязнее. Уседный, подперев голову, по-печерински полулежал возле письменного стола ["типичная античная поза, - И.С.], его помощник громоздился напротив, на боковом валике дивана, подбрав под себя ноги, как в дамском седле, Галиуллин сидел верхом на стуле, пооталенном задом наперед, обняв спинку и положив на нее голову, а молоденький комиссар то подтягивался на руках в проем подоконника, то с него соскакивал... (159-160).

Фалес считал первоначальной водой и погружал землю в мировой океан (за что его критиковал Аристотель в трактате "О небе") - после смерти Гинца в Мелкузееве случается настоящий потоп:

...на полу огромные лужи, и то же самое в комнате, оставшейся от Пары, море, форменное море, целый океан (174).

Подытожим сказанное: выгреб Палых в Гинца - это покушение Штирнера на основы идеализма и - шире - мировой философии, берущей свое начало в одном из "семи мудрецов", в Фалесе (ор. особенно первые главы сочинения Штирнера, где критикуется греческая философия). Пастернак переводит проблему столкновения народа и интеллигенции, позаимствованную из "Сеотер", в план философского спора нигилистов 1840-х гг с классической философией.²³

5. Евграф = Пугачев

Брат Юрия Живаго, Евграф, играет в пастернаковском романе ту же роль, которую вменил Пугачеву Пушкин в "Капитанской дочке". Евграф - сказочный помощник²⁴, принадлежащий миру революции. Живаго встречается с ним в дни большевистского переворота и впоследствии отмечает его необычайную влияниею:

Он прогостил около двух недель, часто отлучаясь в Юртин, и вдруг исчез, как сквозь землю провалился. За это время я успел отметить, что он еще влиятельнее Самдевятова, а дела

и связи его еще менее объяснимы. Откуда он сам? Откуда его могущество? Чем он занимается? (336-337).

В этом контексте делается понятным отчество Юрия Живаго - 'Андреевич', - которое заглавный герой пастернаковского романа носит вместе с Петром Андреевичем Гриневым.

Имя Евграфа²⁷ всплывает впервые в том месте романа, где речь идет о "самозванцах" (84). Брат Юрия Живаго - из Сибири или с Урала, оттуда, где вспыхнуло пугачевское восстание. Он наряжен в 'оленью доху', сравнимую с 'заячьим тулупчиком', которым награждает Пугачева Гринев; к тому же и в пушкинском, и в пастернаковском текстах герои сталкиваются со своими будущими помощниками в буран. Евграф является Юрию Живаго в тифозном сне в виде "духа [...] смерти" (240); Гриневу снится Пугачев, сеящий вокруг себя гибель. Приезд Живаго на Урал вызывает у него воспоминания о "Капитанской дочке":

В местности было что-то замкнутое, недосказанное. От нее веяло пугачевщиной в преломлении Пушкина... (266).

После неожиданного визита Евграфа в Варькино Живаго идет в юрятинскую библиотеку, чтобы "затребовать [...] два труда по истории Пугачева" (339). Таинственность связи между Юрием Живаго и Евграфом - мотив, цитирующий "Капитанскую дочку"; ср. у Пушкина:

Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба, и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан.

В конце романа Евграф снабжает Юрия Живаго деньгами: как и Пугачев - Гринева²⁸.

Если Евграф - Пугачев из "Капитанской дочки", то понятно, почему отец обоих братьев в некотором отношении подобен Пушкину. Самоубийство старшего Живаго можно трактовать как реализацию футуристического призыва 'сбросить Пушкина с парохода современности'. К самоубийству отец Юрия и Евграфа побуждается Комаровским, сближенным в романе с Маяковским, подписавшим только что процитированную декларацию футуристической группы "Гилея". Старший Живаго выбрасывается из поезда,

как бросаются с мостков купальни под воду, когда ныряют (21).

Поезд, из которого выбрасывается Андрей Живаго, напоминает пароход еще и потому, что останавливается после самоубийства возле реки:

Когда они спрыгивали на полотно, разминались, рвали цветы и делали легкую пробежку, у всех было такое чувство, будто местность возникла только что благодаря остановке, и болотистого луга с кочками, широкой реки и красивого дома с церковью на высоком противоположном берегу не было бы на свете, не случись несчастья (23).

6. Dichtung = Wahrheit

Четыре, разобранные нами, примера еще не дают достаточного основания для того, чтобы сделать решительные выводы о том втором романе, который спрятан под описанием жизни и смерти Юрия Живаго. Возможно, что и остальные герои пастернаковского повествования двойственны и загадочны не менее тех лиц, о которых шла речь в этой статье. С другой стороны, однако, наши примеры однородны и допускают поэтому обобщение, которое мы и предпримем, не претендуя на то, чтобы вынести окончательное суждение о тайнописи, внесенной Пастернаком в его роман.

Во всех тех случаях, с которыми мы имели дело, Пастернак устанавливает - тем или иным способом - эквивалентность между своими сугубо литературными героями и реальными историческими фигурами (Маяковский, Юсупов, Штирнер, Пугачев). Имплицитный роман, в отличие от эксплицитного, фактичен (пусть даже Пастернак и адресуется к факту, работая с литературными текстами, посредующими между его романом и историей, вроде "Капитанской дочки"). Dichtung для Пастернака имеет право на существование лишь в своем тождестве с Wahrheit. Смысл литературы, фантазии, - в переводимости в истину. Тайна художественного текста заключена в том, что он, о чем бы он ни говорил, говорит о действительном.

Пастернаку важна, впрочем, не только превращаемость литературы в историческое бытие, но и самое превращаемость. Его герои - на глубинном уровне - нестабильны, втянуты в метаморфозы, значат то одно, то другое, и в этом плане подобны героям архаического мифа. Комаровский - это и Маяковский, и Фауст, и кто-то еще, блуждающий по Монголии в усах и бороде. Вот эта превращаемость персонажей и не может быть высказана в рационалистически-связном тексте. Второй пастернаковский роман мифологичен, неартикулируем. Пишется роман, подра-

зумевается миф. Миф не столько даже по значению, сколько по форме - в виде сообщения о преобразуемости всего во все.

Примечания

- 1 Б. Л. Пастернак, *Доктор Живаго*, Paris 1959, 74-75; в дальнейшем ссылки на это издание - в тексте статьи.
- 2 Точно так же варьируются имена остальных главных персонажей романа: например, один из партизан "лесного воинства" называет Юрия Живаго "товарищ Желвак" (рифма к имени 'Пастернак'? намек на скуластое лицо автора романа?).
- 3 См.: Б. Янгфельдт, *В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915-1930*, Stockholm 1982, 156, 255. Бульдог Комаровского назван 'Джеком'. Мотивировка собачьего прозвища очевидна, потому что в романе упоминается убийца женщин, Джек-потропитель (Jack The Ripper).
- 4 Б. Пастернак, *Избранное*, т. 2, Москва 1985, 209.
- 5 Там же, 202.
- 6 Об этимологическом характере пастернаковского мышления см. подробно: Jerzy Faguno, *Поэтика Пастернака* ("Путевые записки" - "Охранная грамота") = *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 22*, Wien 1989, passim.
- 7 В. Маяковский, *Полн. собр. соч.*, т. 1, Москва 1955, 176.
- 8 Б. Пастернак, *Избранное*, т. 2, 200.
- 9 А. К. Жолковский, О гении и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе.- В: А. К. Жолковский, Ю. К. Шеглов, *Мир автора и структура текста. Статьи о русской литературе*, New York 1986, 253 ff.
- 10 Ср. о зашифровке личного имени автора в художественном тексте: Felix Philipp Ingold, *Der Autor im Text*, Bern 1989, 38 ff.
- 11 От Али вел свое происхождение родоначальник Юсуповых, Абубекир Бен Райок (VI в.) - см: Felix Youssoufoff, *Avant l'Exile. 1887-1919*. Paris 1952, 1.
- 12 Вторую часть имени 'Али Курбан' составляет название мусульманского праздника курбан-байрам, который служит воспоминанием о принесении Авраамом сына в жертву Богу. Причиной того, что Галиуллин стал борцом с большевизмом, было убийство комиссара

Гинца. Пытавшийся помочь комиссару Галиуллин был вынужден бежать из Мелкузеева, чтобы спастись от мести разъяренной солдатни. Гинц прямо связывается в романе с Авраимовой жертвой: "Я скажу им: "Братцы, поглядите на меня. Вот я, сын, надежда семьи, ничего не пожалел, пожертвовал именем, положением, любовью родителей, чтобы завоевать вам свободу"" (161). В этом контексте не исключено, что имя комиссара (оно варьируется, как и большинство иных антропонимов в романе: "Фамилия его была Гинце или Гинц, доктору его называли неясно, когда их познакомили" [160]) частично анаграммирует обозначение жертвенного животного - 'агнец'. Как бы то ни было, именование Галиуллина 'Курбаном' делает мотив 'Гинц - Авраимова жертва' возвращающимся - не случайным, не подлежащим забвению по мере поступательного движения сюжета.

- 13 Согласно устному указанию, сделанному Е. Б. и Е. В. Пастернаками, рисовальные вечера происходили не у Юсуповых, а у Голицыных. Серов рассказывал в доме Пастернаков, по всей видимости, о том, как он писал портрет Юсупова. Сам Юсупов вспоминает о том, что он не только портретировал Серову, но и вел с ним откровенные беседы (F. Joussouproff, *Avant l'Exil*, 76).

"Домашние" реминисценции составляют значительную часть крипто-семантики в "Докторе Живаго". ими обусловлен, в частности, выбор имени 'Громеко' для обозначения семьи, в которой воспитывался Живаго. Степан Степанович (ср.: Александр Александрович) Громеко был известным публицистом-либералом 1860-х гг, сотрудником "Отечественных записок", а до того жандармским офицером на железной дороге (ср. приуроченность решительного разговора между Юрием Живаго и его тестем к поездке на поезде). Женитьба Юрия Живаго на Тоне Громеко оказывается, таким образом, уподобленной второму браку Пастернака: Зинаида Николаевна была дочерью жандармского полковника (ср.: О. Ивинская, *В плену времени*, Paris 1978, 28).

- 14 Б. Пастернак, *Избранное*, т. 2, 198-199.

- 15 В этом отрывке из романа - явная несуразность. Вначале поезд Стрельникова назван "курьерским старого образца", затем - бронепоездом. Но противоречие снимается, если принять во внимание автопретекст этого отрывка - описание царского поезда в "Охранной грамоте". О мнимых ошибках в романе ср.: Angela Livingstone, 'Integral Errors': Remarks on the writing of *Doktor Zhivago*. - *Essays in Poetics*, 1988, N 13, 2, 83 ff.

- 16 А. Н. Толстой, *Избр. соч.* в 6-и тт, т.3, Москва 1951, 268-269.

- 17 Эпизод с Гинцем, следовательно, не отражает прямо дело об убийстве реального исторического лица, Ф. Ф. Линде, как это принято думать. Пастернаковский роман ведет читателя орау и к литературной

обработке этого фактического материала, к "Сестрам" Толстого, и к исторической реальности (ор. формальное сходство фамилий "Гинце" - "Линде", а также мотив л и п ы в описании Мелюезова: "В буфетной выбито окно обломком липового сука, бывшего с остеклом..." (174)). Иными словами, Пастернак создает нечто вроде реального комментария к роману Толстого, эволюционирует историко-фактическую подоплеку чужого художественного текста (ор. в "Сестрах" фамилию убитого комиссара - Смокошников, восходящую к наванию дерева, как и имя 'Линде').

- 18 При учете уже обсуждавшегося отчества Клишцова-Погоревших ясно, что Пастернак возводит футуризм к штирнерианству и анархизму. Выз ли Крученных одним из прототипов Погоревших (ср. морфологию обеих фамилий)?
- 19 В. Пастернак, *Воздушные пути*. Проза разных лет, Москва 1982, 305.
- 20 Max Silber, *Der Einzige und sein Eigentum*, Stuttgart 1985, 356-357.
- 21 Ibid., 45.
- 22 Ibid., 224.
- 23 Ibid., 154.
- 24 "Травля", 9 февраля 1990, 8.
- 25 Роман Пастернака и в остальном полемичен относительно "Сестер". Воссозн у Толстого (он же - Блок) погибает из-за того, что сумасшедший девертир принимает его за водителя волчьей стаи. Сам Воссозн думает, что за ним следуют собаки. В романе Пастернака за Юрием Живаго (одним из прообразов которого был, согласно автору, Блок) тащит стаю одичавших собак, Живаго подбирает по пути девертира (с трудового фронта), Ваюю Врыкина. Волков ведет за собой не Живаго, а Стрельников. Было бы чрезвычайно интересно прочесть весь пастернаковский роман как текст об истории мировой философии. Этому есть множество оснований. Приведем еще один пример. Одно из самых загадочных мест романа - предопределение судьбы Юрия Живаго рекламным щитом "Моро и Ветчинкин", "Утопия" Томаса Мора была впервые издана в Италии. По-итальянски Мор - Моро. Имя 'Ветчинкин' этимологически сходно с именем автора "Новой Атлантиды", Вжонком. При этом, однако, имя 'Ветчинкин' германизировано (ср.: Schinken). В партизанский лагерь Живаго попадает, направленный туда английской утопической мыслью в ее итальянском и немецком воплощениях, "Лесное воинство", следовательно, - это тоталитарная утопия - русско-итальянско-немецкая по характеру и английская - по происхождению.

- ²⁶ Пастернак занимался теорией сказки во время работы над "Доктором Живаго" - он читал книгу В.Я.Проппа "Исторические корни волшебной сказки" (см.: В. М. Борисов, Е.В.Пастернак, Материалы к творческой истории романа Б. Пастернака "Доктор Живаго".- *Новый мир*, 1988, Т 6, 242).
- ²⁷ Литературное происхождение Евграфа зафиксировано уже в его имени, означающем 'благописание'; ср. об имени Евграфа: Jerzy Farugo, Княгиня Столбунова-Энрици и ее сын Евграф (Археопэтика "Доктора Живаго", 1).- *Studia filologiczne, Zeszyt 31 (12)*. Filologia Rosyjska. Поэтика Пастернака, pod red. Anny Majmieskuljow, Bydgoszcz 1990, 156 ff.
- ²⁸ К мотиву денег у Пушкина и Пастернака ср.: Erika Greber, *Intertextualität und Interpretierbarkeit des Textes*. Zur frühen Prosa Boris Pasternaks, München 1989, 211 ff.